

УДК 821.161.1

DOI: 10.26907/2782-4756-2023-73-3-66-70

ТАТАРСКИЕ ФОРМЫ ОБРАЩЕНИЯ В РОМАНЕ Г. ЯХИНОЙ «ЗУЛЕЙХА ОТКРЫВАЕТ ГЛАЗА»: МНОГОЯЗЫЧИЕ ИЛИ ТРАНСКУЛЬТУРАЛИЗМ

© Айгуль Салахова

TATAR APPELLATIVES IN G. YAKHINA'S NOVEL "ZULEIKHA OPENS HER EYES": POLYLINGUALITY AND TRANSCULTURALITY

Aygul Salakhova

The article is devoted to the linguocultural meanings of nationally specific forms of vocatives used by G. Yakhina in her novel "Zuleikha Opens Her Eyes". The research object is the corpus of language units, used in G. Yakhina's novel "Zuleikha Opens Her Eyes", which are selected by continuous sampling from the first part of the novel. To analyze the studied units (appellatives), we use the descriptive and comparative methods, the method of word-formation, component and contextual analyses, as well as the method of quantitative calculation. To reconstruct the world of the Tatar village, the Russian-speaking writer uses a variety of appellative words (exoticisms, diminutives, evaluative forms, etc.), which do not always adequately appeal to the content of the Tatar linguocultural discourse. In the present article, we examine appellatives, in the unity of their form and content, as units of a particular literary text in order to identify their semantic specificity, stylistic and linguocultural affiliation, while taking into account the context of their use. The transformation and substitution of linguistic units, associated with the national specificity of the linguistic picture of the world, prevents adequate and accurate perception of Tatar linguistic culture when the author creates artistic images in her novel, or subsequently conveys the meaning in translation. Thus, the article shows how the words of a foreign culture are introduced into the text and what consequently happens to the meanings they convey.

Keywords: literary text, Tatar addresses (appellatives), G. Yakhina, "Zuleikha Opens Her Eyes", linguocultural studies

Работа обращена к проблеме лингвокультурного содержания национально-специфичных форм обращения в художественном тексте. Объектом исследования выступает корпус языковых единиц, используемых в романе Г. Яхиной «Зулейха открывает глаза» и отобранных методом сплошной выборки из первой части романа. Для анализа исследуемых единиц (апеллятивов) применялись описательный и сопоставительный методы, метод словообразовательного, компонентного и контекстуального анализа, а также метод количественного подсчета. Реконструируя мир татарской деревни, русскоязычная писательница использует разнообразные слова-апеллятивы (экзотизмы, diminutives, оценочные формы и т. п.), которые не всегда адекватно апеллируют к содержанию татарского лингвокультурного дискурса. В статье апеллятивы как единицы конкретного художественного текста исследуются в единстве их формы и содержания с целью выявления их семантической специфики, стилистической и лингвокультурной принадлежности с учетом контекста их употребления. Трансформация и подмена языковых единиц, связанных с национальной спецификой языковой картины мира, препятствует точному восприятию татарской лингвокультуры при создании художественных образов романа, а также последующей адекватной ретрансляции при переводе. Таким образом, в статье показано, как вводятся в текст слова чужой культуры и что в результате происходит с передаваемыми ими смыслами.

Ключевые слова: художественный текст, татарские обращения, апеллятивы, Г. Яхина, роман «Зулейха открывает глаза», лингвокультура

Для цитирования: Салахова А. Татарские формы обращения в романе Г. Яхиной «Зулейха открывает глаза»: многоязычие или транскультурализм // Филология и культура. Philology and Culture. 2023. №3 (73). С. 66–70. DOI: 10.26907/2782-4756-2023-73-3-66-70

Обращение как наименование адресата речи, а также особый компонент речи, отличающийся выразительностью и организующий композицию высказывания, присутствует в разнообразных речевых актах и текстах, обеспечивая соотнесенность с конвенциональными (национальными, социальными и т. п.) правилами речевого этикета, включая уместность речи. Кроме того, установившиеся в рамках определенной лингвокультуры конкретные вербальные формы и формулы обращения призваны отражать ценностную структуру картины мира, выдвигая на первый план этнокультурно значимые модели (включая оценочно-метафорические антропонимические дериваты), используемые в вокативной функции.

Следует сразу же оговорить терминологические границы исследуемого предмета, поскольку при обозначении языковых средств, используемых для обозначения адресата речи, употребляются следующие термины: «апеллятив» (служащий одновременно синонимом термина «нарицательное имя существительное» [1, с. 52]), «обращение» (наиболее распространённый термин) и «вокатив» (подразумевающий форму звательного падежа). Разделяя позицию некоторых исследователей, считаем уместным употребление термина «апеллятив» в отношении языковых средств, выражающих апеллятивные функции, с помощью которых осуществляется обращение [2, с. 228], обособленное в структуре предложения (интонационно и грамматически). Стоит подчеркнуть, что понятие «апеллятивная функция» следует считать общепринятым и широко распространённым в современном языкознании, а термин «апеллятив», в свою очередь, позволяет проводить филологические исследования функционирования данного феномена в многообразных видах словотворчества, не углубляясь в проблему синтаксического статуса обращения.

В художественном тексте, наряду с адресатной функцией (уточнением того, к кому обращено то или иное высказывание), апеллятивы выполняют экспрессивную (оценочно-характеризующую) функцию, а также реконструируют ролевые функции коммуникантов (включая реализацию и / или деконструкцию социально-этикетной функции). При этом выбор обращения автором художественного произведения непосредственно связан с созданием образа персонажа и дает некоторую свободу перекодирования общепринятого содержания языковой формы. Однако подобное «переосмысление» ограничено узнаваемостью дискурса: так Л. О. Чернейко указывает, что «выбор говорящим при обращении к другому лицу или при его идентификации определенной формы личного имени

оказывается значимым в случае несоответствия формы стандартным условиям ее применения» [3, с. 25]. Таким образом, будучи многозначной единицей коммуникации в целом, апеллятивы в художественном тексте ярко маркируют отношения между персонажами общения: авторы конкретных произведений, стремясь к новизне высказывания, нередко эксплуатируют выразительность форм обращения для характеристики персонажей и / или отношений между ними.

Роман Г. Яхиной «Зулейха открывает глаза» (2015), феноменальный читательский успех которого многократно объяснялся открытым запросом современного читателя (русского и международного) к истории советского периода, представляет собой крайне любопытный пример реконструкции национальной картины мира русскоязычной писательницей-татаркой, вводящей дискурс татарской культуры в русскую литературу в качестве центрального высказывания. Важным представляется неоднократно подчеркиваемый Яхиной факт о мемуарной основе её романа (от рассказов бабушки до документальных историй очевидцев). Таким образом, писательница, создавая фикциональное художественное пространство, очевидно, стремится к точности его изображения, к правдоподобию и некоторой документальности собственной прозы. Однако написанный на русском языке текст романа не отличается лингвокультурной насыщенностью, и толкование отдельных национально-культурных феноменов вынесено лишь в глоссарий в конце романа и весьма условно подкреплено основным его содержанием.

Коммуникативно-прагматическая адаптация татарского национального дискурса в романе реализована посредством включения в текст экзотизмов с последующим толкованием в «Словаре татарских слов и выражений», прилагаемом к тексту и состоящем из 56 единиц. Слова-экзотизмы, «используемые для описания жизни других народов», составляют безэквивалентную лексику и обозначают реалии, свойственные чужим народам и странам, однако не столько раскрывают чужую культуру, сколько символизируют её [4, с. 463]. Так, большинство слов, вводимых Г. Яхиной в текст романа, – это слова, обозначающие уникальные в культурном отношении бытовые реалии и ритуальные действия (28 единиц), а также обозначения, связанные с религиозными верованиями (17 единиц), что объяснимо авторской целью воссоздания уклада жизни малой национальной группы. Самой малочисленной является группа слов-обращений, принятых в татарской культуре (8 единиц) и предположительно отражающих особый тип

культурного поведения коммуникантов, одновременно реконструируя в художественном пространстве романа мир традиционной татарской деревни (условного прошлого главной героини, которое ей предстоит отринуть).

Очевидно, что особенно частотными национальные формы обращения являются именно в первой части романа «Мокрая курица», действие которой происходит в татарской деревне Юлбаш. Они призваны маркировать внутрисемейные отношения главной героини (с мужем и со свекровью), а также реконструировать национально-специфический дискурс в целом. По ходу развития сюжета – раскулачивания – в тексте начинают преобладать типично советские (*товарищ Игнатов, товарищ уполномоченный, кулацкая гнида* и т. п.) и / или традиционно русские (*брат, хозяин, мужичок* и т. п.) апеллятивы, указывающие на антагонистский культурный код. Стоит отметить, что именно синтез советского и русского является тем самым «чужим словом» по отношению к татарскому языку общения в Юлбаше, однако все персонажи, включая неграмотную крестьянку Зулейху, которая только мечтает о поездке за пределы своей деревни (в Казань), одинаково свободно владеют всеми речевыми кодами. Подобная «свобода» выбора языкового кода и многоязычие в большей степени указывают на авторскую вольность, когда нарратив романа не усложняется за счёт мотива непонимания, характерного в том числе для колониального и постколониального дискурса (подчеркивание / нивелирование культурной дистанции).

Несмотря на очевидную ограниченность корпуса апеллятивов в первой главе романа Г. Яхиной «Зулейха открывает глаза» по семантическому принципу нами были выделены следующие группы татарских форм обращений (приведены по словарю после основного текста романа):

- апеллятивы, называющие социальный статус адресата (*абыстай, ага, хазрэт, эни*);
- вокатив (*Алла*, в том числе в выражении *Алла сакласын*);
- апеллятивы, указывающие на личное и эмоциональное (ласковое) отношение говорящего (*жаным, улым*);
- апеллятивы, указывающие на субъективную оценку адресата (*убырлы карчык, жебегян тавык*).

Стоит отметить, что, будучи традиционными и принятыми формами обращений в татарском языке, не все они используются именно в качестве апеллятивов в романе: например, традиционные и обязательные формы обращения к духов-

ному лицу (*хазрэт*) и его супруге (*абыстай*) выполняют в тексте роль экзотизмов.

Автор романа использует следующие модели включения татарских апеллятивов в русскоязычный текст романа:

- **последовательный перевод** – дублирование апеллятива сначала на русском, а затем на татарском языке (при отсутствии графической маркировки национального апеллятива). Например, в сцене беседы Муртазы, мужа главной героини романа, с матерью апеллятивы вводятся последовательно сначала на татарском, а затем на русском языке; далее в диалоге оба обращения используются поочередно на обоих языках без тавтологии. Таким образом, писательница, профессиональный сценарист, использует кинематографический прием (закадровый перевод) для введения татарских форм обращения в текст романа. Следует отметить, что используются неравнозначные лингвокультурные языковые формы: при обращении к сыну мать использует притяжательную форму *улым* – ‘*сын мой*’ (здесь и далее перевод наш – А.С.), а сын при обращении к матери последовательно избегает аналогичной формы, ограничиваясь нейтральным *эни* – ‘*мама*’;

- **эквивалентный перевод** – используется для апеллятивов, указывающих на субъективную оценку адресата. К обоим формам Г. Яхина подбирает русскоязычные эквиваленты, в незначительной степени трансформирующие содержание негативной оценки: так, *убырлы карчык* переводится автором как *Упыриха*, то есть наименование лица женского пола, возводимое к «вампиру, трупам злого колдуна или ведьмы, который бродит ночью в образе волка или совы и убивает людей и животных» [5, с. 165]. При этом татарское прилагательное в составе выражения также указывает на *ведьму* и *оборотня*, а существительное – на пол и возраст (старуха). В романе упомянуто, что этот апеллятив используется только во внутренней речи главной героини: *Зулейха её так про себя называет* [6, с. 11]; при этом автор последовательно использует русский эквивалент для прямой номинации свекрови. Второй оценочный апеллятив в адрес главной героини – Зулейхи – от её свекрови *жебегян тавык* последовательно заменяется русским эквивалентом (*мокрая курица*), частично используется для обращения (разными персонажами, в том числе во внутренней речи героини), при этом утрачивается семантика «нерасторопности», «неумелости» [7, с. 571], которая заменена на «безволие» и «жалкий внешний вид, растерянность» [8], присущие русскому эквиваленту;

• **личные татарские имена** – автором романа нарушены лингвокультурные каноны использования антропонимов в татарском языке: так, имя мужа в дореволюционной коммуникативной традиции табуировалось, и жена не могла обратиться к нему при помощи антропонима, который эвфемизировался (*син, этисе, сина эйтэм*), часто такое происходило и в адрес жены (*хатын, энисе*), однако не было обязательным. В романе Г. Яхиной Зулейха и её муж постоянно обращаются к друг другу по имени, при этом она чаще, чем он. Таким образом, вокативная функция оказывается доминирующей, что не характерно для татарской внутрисемейной коммуникации (с приоритетом социально-регулятивной функции) и дискурса художественного текста (с доминантой характеризующей функции). По всей видимости, желая подчеркнуть жестокость и черствость мужа, автор последовательно включает в его речь апеллатив *женщина*, характеризующий его пренебрежительное отношение к супруге и присущий, однако, более русской, чем татарской системе обращений между мужем и женой. Стереотипный образ покорной татарской женщины, угнетенной бытом, также нарушается, если мы представляем не поднимающую глаз на мужа Зулейху, непринужденно, прямо и последовательно называющую супруга по имени. Следует оговорить, что контекстуальная экспланация традиционного татарского обращения *этисе / энисе* позволила бы Г. Яхиной усложнить трагедию потери детей и при этом адекватно реконструировать культурные реалии.

Трудно идентифицировать принадлежность к определенному дискурсу и для форм обращения к председателю сельсовета: *за глаза его называли Мансуркой-Репьем* [6, с. 50]. Далее автор дважды использует именно эту форму с пренебрежительно-фамильярным русским суффиксом при обращении к нему Зулейхи (которая по сюжету в начале романа не говорит по-русски, однако всегда без труда понимает обращенную к ней русскую речь). В татарском языке отсутствует аналогичный суффикс, а значит Зулейха воспроизводит русскую речевую форму апеллатива, в дальнейшем усложняя её до *товарищ Мансурка* [Там же, с. 51].

Таким образом, очевидно, что художественный билингвизм непоследовательно реализован в коммуникативном пространстве романа «Зулейха открывает глаза», оставаясь лишь формальной декларацией наряду с указанием на билингвальность автора на форзаце большинства изданий. Сложные формы сосуществования разных культурных идентичностей писательницей игнорируются, и в повествовании очевидны логические

и речевые промахи так же, как и установка на транскультурный подход при реконструкции культурного пространства. Подобная установка, утвержденная постколониальным литературным дискурсом, прямо постулирует ограниченность любой культуры и, как результат, потребность в значительной открытости к диалогу [9]. Как мы наблюдаем, в романе Гузель Яхиной «Зулейха открывает глаза» такая модель приводит к слепой абсолютизации советской модели транскультурализма, предполагающей разрыв с культурным прошлым («декультурация») и скрещивание (*metisage*) с настоящим (согласно терминологии Ф. Ортиса [10]). Последнее наблюдение в равной степени характеризует и такой, на первый взгляд, незначительный пласт лексики романа, как обращение. Не следует забывать, что «коннотативный план коммуникативно-стилистического характера способен выступить как абсолютная ценность» [11, с. 6] в единицах, выступающих в роли обращения, поскольку именно они связаны с эмоционально-оценочным освоением мира, предопределяемым культурными, социальными, историческими и прочими факторами.

Конкретные случаи употребления татарских обращений в романе Г. Яхиной «Зулейха открывает глаза» демонстрируют мифологизацию татарского национального дискурса, присущую роману в целом. Национально-специфичные обращения не являются в тексте самодостаточными, и введение их в текст романа выполняет чаще декоративную функцию, особенно, если учесть, что последовательный перевод в самом тексте исключает потребность в обращении к глоссарию, – понимание экзотизма исчерпано контекстом. В других случаях употребление в качестве национальных форм обращения таких, которые не являются отражением норм этикета и правил общения конкретного этноса, существенно искажает восприятие читателем культурного фона произведения. Следует признать, что авторские решения по отбору и включению татарских форм обращений значительно упрощают модель реконструкции татарского дискурса в романе и свидетельствуют о том, что данный дискурс в русской литературе по-прежнему присутствует в качестве экзотического и периферийного.

Список источников

1. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М.: Советская энциклопедия, 1969. 607 с.
2. Влахов С., Флорин С. Непереводимое в переводе. М.: Высшая школа, 1986. 416 с.

3. Чернейко Л. О. Имя собственное как результат индивидуального творчества и как объект авторского права // Изобретательство. 2002. № 8. С. 23–25.
4. Жеребило Т. В. Словарь лингвистических терминов и понятий. Назрань: Пилигрим, 2016. 610 с.
5. Фасмер М. Этимологический словарь. Том IV. М.: Издательство «Прогресс», 1973. 856 с.
6. Яхина Г. Зулейха открывает глаза. М.: Издательство АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2016. 512 с.
7. Жучкова А. В. Посмотри в глаза чудовищ. Рецензия на книгу: Яхина Г. Ш. Зулейха открывает глаза. Москва: АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2015. 512 с. // Полилингвильность и транскультурные практики. 2020. Т. 17. № 4. С. 571–582.
8. Фразеологический словарь русского литературного языка // NIV.ru: Наука. Искусство. Величие. URL: // <https://rus-phraseology-dict.slovaronline.com/6279-D0%9C%D0%BE%D0%BA%D1%80%D0%B0%D1%8F%20%D0%BA%D1%83%D1%80%D0%B8%D1%86%D0%B0> (дата обращения: 01.05.2021)
10. Энштейн М. Н. Транскультура и трансценденция // Только уникальное глобально: Личность и Управление. Культура и Образование. СПб.: СПбГУ-КИ, 2007. С. 90–102.
11. Ortiz F. Cuban counterpoint: tobacco and sugar. Durham, North Carolina (US), Duke University Press Edition. 1995. 408 p.
12. Винокур Т. Г. Информативная и фатическая речь как обнаружение разных коммуникативных намерений говорящего и слушающего. Русский язык в его функционировании. Коммуникативно-прагматический аспект. М.: Наука, 1993. С. 5–29.

References

1. Akhmanova, O. S. (1969). *Slovar' lingvisticheskikh terminov* [Dictionary of Linguistic Terms]. 607 p. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya. (In Russian)
2. Vlahov, S., Florin, S. (1986). *Neperevodimoe v perevode* [Untranslatable in Translation]. 416 p. Moscow, Vysshaya shkola. (In Russian)
3. Cherneiko, L. O. (2002). *Imya sobstvennoe kak rezul'tat individual'nogo tvorchestva i kak ob"ekt*

avtorskogo prava [Proper Name as a Result of Individual Creativity and as an Object of Copyright]. Pp. 23–25. Moscow, Izobretatel'stvo. (In Russian)

4. Zherebilo, T. V. (2016). *Slovar' lingvisticheskikh terminov i ponyatii* [Dictionary of Linguistic Terms and Concepts]. 610 p. Nazran', Piligrim. (In Russian)
5. Fasmer, M. (1973). *Etimologicheskii slovar'* [Etymology Dictionary]. V 4 tomakh. T. 4. 856 p. Moscow, izdatel'stvo "Progress". (In Russian)
6. Yakhina, G. (2016). *Zuleikha otkryvaet glaza* [Zuleikha Opens Her Eyes]. 512 p. Moscow, izdatel'stvo AST, Redaktsiia Eleny Shubinoi. (In Russian)
7. Zhuchkova, A. V. (2020). *Posmotri v glaza chudovishch. Retenziia na knigu: Yakhina G. Sh. Zuleikha otkryvaet glaza. Moskva: AST: Redaktsiia Eleny Shubinoi, 2015. 512 s.* [Look into the Eyes of Monsters. A Book Review: Yakhina G. Sh. Zuleikha Opens Her Eyes. Moscow, AST: Edited by Elena Shubina, 2015. 512 p.]. Pp. 571–582. Moscow, Polilingvial'nost' i transkul'turnye praktiki. (In Russian)
8. *Frazeologicheskii slovar' russkogo literaturnogo yazyka* [Phraseological Dictionary of the Russian Literary Language]. URL: <https://rus-phraseology-dict.slovaronline.com/6279-D0%9C%D0%BE%D0%BA%D1%80%D0%B0%D1%8F%20%D0%BA%D1%83%D1%80%D0%B8%D1%86%D0%B0> (accessed: 01.05.2021). (In Russian)
9. Epshtein, M. N. (2007). *Transkul'tura i transtsendentsiia* [Transculture and Transcendence]. Pp. 90–102. Tol'ko unikal'noe global'no: Lichnost' i Upravlenie. Kul'tura i Obrazovanie. St. Petersburg, SPbGUKI. (In Russian)
10. Ortiz, F. (1995). *Cuban Counterpoint: Tobacco and Sugar*. 408 p. Durham, North Carolina (US), Duke University Press Edition. (In English)
11. Vinokur, T. G. (1993). *Informativnaya i faticheskaya rech' kak obnaruzhenie raznykh kommunikativnykh namerenii govoryashchego i slushayushchego* [Informative and Phatic Speech as the Discovery of Different Communicative Intentions of the Speaker and the Listener]. *Russkii yazyk v ego funktsionirovanii. Kommunikativno-pragmaticheskii aspekt*. Pp. 5–29. Moscow, Nauka. (In Russian)

The article was submitted on 10.12.2022
Поступила в редакцию 10.12.2022

Салахова Айгуль Рестамовна,
кандидат филологических наук,
доцент,
Университет МГУ-ППИ в Шэньчжэне,
518172, Китай, Провинция Гуандун, г. Шэньчжэнь,
район Лунган, Даюньсиньчэн,
Гоцзидасюэюань, 1;
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
aygul.salahova@gmail.com

Salakhova Aygul Restamovna,
Ph.D. in Philology,
Associate Professor,
Shenzhen MSU-BIT University,
1, International University Park Road,
Dayun New Town, Longgang District, Shenzhen,
Guangdong Province, PRC, 518172
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
aygul.salahova@gmail.com